

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ЖАНРА ТРАВЕЛОГА В ЛИТЕРАТУРЕ XVI–XVII вв. СУБЪЕКТИВНОЕ НАЧАЛО В «СТАТЕЙНЫХ СПИСКАХ» Д. ЛИХАЧЕВА

Рассматривается становление жанра травелога в русской литературе на примере эволюции «статейных списков» посольств Д. Лихачева и И. Чемоданова. Делается попытка проследить акт познания иноментальной действительности рецеппиентами путем ее присвоения посредством внутренней рефлексии. Рассмотрены эмоциональные доминанты описания итальянского топоса. Прослеживается формирование топологического образа Италии в «статейных списках», имеющее чисто внешний, экфрастически-описательный характер.

Ключевые слова: путешествие; травелог; «статейные списки»; путевые заметки; Д. Лихачев; И. Чемоданов; иноментальность; рецепция топоса; Италия.

Во все времена в русской истории существовала традиция описаний, создаваемых во время путешествий. Средневековая Русь знала, главным образом, рассказы паломников, так называемые «хождения», посвященные описанию путешествия христианина к святым местам, чаще всего Восточной церкви, обычно в Иерусалим, Палестину или Константинополь. Отправляясь в путешествие, они стремились увидеть описанные в Евангелиях места: здания, сады и другие культурные артефакты. Нередко паломнические цели могли совмещаться с торговыми или дипломатическими. Таким образом, хождения могли содержать описания маршрута, некоторые сведения географического и этнографического характера и, что представляет особый интерес, личные впечатления от увиденного. Среди наиболее известных и читаемых хождений следует отметить путешествия игумена Даниила, Стефана Новгородца, Игнатия Смольнянина, иеродиакона Зосимы и др. [1–4]. Как отмечает В.П. Адрианова-Перетц, «...положительное значение этих путешествий в истории культуры Киевской Руси было немаловажно. Способствуя сближению русских с представителями разнообразных народностей, они сыграли серьезную роль в формировании национального самосознания, расширили наши международные связи, оживили обмен культурными и литературными ценностями» [5. С. 365]. Но для многих путешественников-паломников специфика доминантного объекта описания не давала возможности слишком распространяться о мирских делах, равно как и о своих личных впечатлениях.

Сам феномен «путешествия» имеет древнюю историю, включающую и наши дни, и со временем специфика этого процесса, который суть перемещение из одного культурного и природного пространства в другое, в сущности не менялась. Путешествия всегда несли особый смысл. Всякое путешествие было овеяно дымкой таинственности, а пространство, в которое попадал путешественник, воспринималось им двояко: с одной стороны, будучи чужим, непознанным, оно представляло опасность, а с другой – неудержимо привлекало внимание, что опять-таки было обусловлено его инакостью, непознанностью и часто – малодоступностью.

Принято считать, что в России традиция заграничных путешествий берет свое начало со времен правления Петра I. Однако посылать учиться за границу и вступать в торговые и дипломатические контакты с

Западной Европой пробовали уже в XVII в.: известно, что еще Борис Годунов посылал молодых людей учиться в Европу. Регулярные контакты начались с эпохи Петра I. Великое посольство явилось первым демонстративным столкновением большого числа русских людей с Европой. С этого момента начинается борьба с изоляцией России, что разрушало представления о враждебности западноевропейского мира. Необходимо было отрешиться от представления о том, что человек, который иначе мыслит, иначе сидит за столом, говорит на иностранном языке и живет в другой стране, – враг и что от него следует ожидать только неприятностей, подвоха или чего-то очень опасного. Средневековая мысль о том, что сосед – враг, что человек иного облика, иной веры, иных мыслей – это опасность, от которой следует или убежать, или активно противостоять, должна была смениться готовностью идти на контакты [6. С. 414–435].

В связи с тем что новые для различного рода освоения пространства распространились далеко за пределы Российской империи и возможность посещения одних и тех же заграничных земель появилась сразу у многих людей, интерпретации того или иного топоса стали множественными. Так, одним из самых привлекательных для путешественников, а следовательно, продуктивных для формирования жанра травелога стал образ Италии, играющий важную роль для русской культуры и литературы в частности.

В течение двух столетий возникает и развивается целый ряд различных интерпретаций этого образа; при этом исходным пунктом его поэтической интерпретации, как правило, становится травелог, т.е. описание путешествий, начиная с точных и пространственных дневниковых впечатлений и кончая лирической метафористикой. Как показал Николай Трубецкий в своих «Лекциях по древнерусской литературе» [7], где он предложил теорию этого жанра, травелог в форме рассказа о паломничестве христианина к «святым местам» был очень распространен в Древней Руси и Московии, имея также свой светский извод («Хождение за три моря» Афанасия Никитина). Искомым объектом паломничества являлись христианские святыни. Следовательно, они же становились объектом описания в появляющихся во время или после путешествия текстах «Хождений...». Но уже в XVI–XVII вв. в связи с участием дипломатическими миссиями в европейские страны происходит смена доминантного объекта описания,

в результате чего появляются «статейные списки» – официальные и подробные донесения послов, содержащие пространные описания официальных приемов и встреч, а также личные впечатления от увиденного, описание «обыкностей» и диковинок европейских городов. Благодаря таким личным впечатлениям, отраженным в некоторых из статейных списков, эти последние становились настоящими литературными произведениями – своеобразными предшественниками того литературного жанра путешествий, который будет формироваться и активно развиваться в течение всего XVIII в. и обретет свою классическую форму в начале XIX в. [8. С. 420].

Записи русских послов, включающие в себя подробные письменные отчеты о выполнении данных им поручений, внешних наблюдениях за бытностью той или иной страны, обо всем виденном и слышанном за границей, называемые «статейными списками», так как в данных текстах послы обязаны были отвечать на «статьи» даваемых им наказов, – отнюдь не принадлежат к памятникам художественной литературы. Важной функцией их стало обновление языка и преодоление выработавшихся в письменной речи условностей.

Особенно важную роль деловая письменность играла в XVI и XVII вв. В XVI в. в публицистике под эгидой развивающегося служилого сословия поднимаются новые темы, вызванные новыми потребностями действительности. Публицистика черпает новые формы отовсюду, в том числе из жанра деловой письменности, с которой вступает в тесные взаимоотношения. Из этого соприкосновения двух жанров рождается невероятное многообразие форм и жанров: окружные и увещательные послания, челобитные, официальные дипломатические письма, повести и пространные исторические сочинения. Но, несмотря на строгие рамки, в эти документы попадали и личные впечатления от увиденного.

Как отмечает Д.С. Лихачев, «эти личные впечатления, проникающие в статейные списки посольств, свидетельствуют не только об изменившемся отношении русских послов к иноземным порядкам, но и о новом типе самих русских дипломатов. Религиозная терпимость, умение объективно оценить европейский быт, отсутствие презрительного отношения к иностранцам, вместе с тем забота о том, чтобы не уронить честь Русского государства, здоровое критическое отношение к иноземным порядкам отличают русских послов второй половины XVII в. Вкусы и интересы москвичей этого времени оставили значительные следы в содержании статейных списков.

Многое из того, что задумывалось на Москве, – разведение красивых садов, устройство театра, заведение органной музыки или новой обстановки, открытие больниц, устройство каменных мостовых, фонарного освещения и т.д., – сказывалось в особенно пристальном внимании послов именно к этим сторонам европейского быта» [8. С. 420–421].

Дипломатическое взаимодействие России и Италии, имеющее очень интенсивный характер во второй половине XV – начале XVI в., прервалось в конце XVI в. и не возобновлялось в течение полувека. Инициатива в возрождении сотрудничества принадлежала Венеции: в 1647 г. венецианский посол в Варшаве написал царю

Алексею Михайловичу письмо, в котором, поздравив его с победой над турками и татарами, просил оказать помощь венецианцам в войне с Турцией. В 1655–1656 гг. в Москве побывал посол Венеции Альберто Вимина да Ченедда, обратившийся к царю с просьбой двинуть против султана донских казаков, а также разрешить венецианцам торговлю в Архангельске. Вторую просьбу царь удовлетворил, а на первую дал уклончивый ответ, сказав, что вопрос требует обдумывания, а в Венецию будет отправлено специальное посольство. Обещанное посольство во главе с посланниками – стольником и наместником Переяславским И.И. Чемодановым и дьяком А. Посниковым – выехало из Москвы летом 1656 г.

Посольство Чемоданова и Посникова не прошло бесследно для развития русской литературы путешествий. Они оставили два документа: статейный список и «Роспись», полное название которой звучит так: «Роспись в которых месяцах и числах, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, его царского величества посланники, стольник Иван Иванович Чемоданов да дьяк Алексей Посников, на его государеву службу в Виницею от Архангелского города на кораблях пошли и морем шли, и к которому городу к карабельной пристани пришли, и какими месты от города до города шли, и что в котором государстве городов и всякого строенья видели» [9. Стб. 1131–1132].

Как отмечает Н.А. Казакова, название хорошо отражает назначение и содержание памятника: это – дорожник, зафиксировавший путь послов и их впечатления (поэтому мы будем называть памятник сокращенно «Росписью дороге», тем более что такое название встречается в источниках уже в конце XVI в.).

Статейные списки также включали описание маршрута послов и их путевые впечатления, но там они были лишь составными частями памятника, в «Росписи» же исчерпывали его содержание. В силу этого текст «Росписи дороге» Чемоданова и Посникова значительно меньше текста их статейного списка. Сопоставление текстов обоих памятников показывает, что некоторые их отрывки совпадали дословно, но это не дает основания считать «Роспись» извлечением из статейного списка: в ней имеются дополнительные, отсутствующие в статейном списке сведения, характер которых не позволяет думать, что они были добавлены по памяти к извлечению из статейного списка, сделанному после окончания путешествия. Скорее всего, статейный список и «Роспись» велись параллельно во время поездки посольства; при этом статейный список представлял собой официальный документ – отчет посланников правительству, «Роспись» же имела полуофициальный или даже неофициальный характер и, вероятно, предназначалась для Посольского приказа в качестве справочного материала.

«Роспись» Чемоданова и Посникова имеет предшественницу в виде «Росписи дороге» (таково название памятника), составленной И. Шевригиным, совершившим путешествие в Рим в 1580–1581 гг. в качестве гонца к папе Григорию XIII [9. С. 30–5]. Но «Роспись дороге» Шевригина содержит почти исключительно

перечень населенных пунктов и указания расстояний между ними. Отметим также, что «Роспись» Шевригина входит в состав его статейного списка, «Роспись» же Чемоданова и Посникова оформлена как самостоятельный памятник. Все это дает основание рассматривать последнюю как более высокую ступень развития того типа документации, к которому относится и «Роспись дороге» Шевригина [10. С. 270].

В «Росписи дороге» особый интерес представляет описание Венеции, достопримечательности которой всегда загадочным образом привлекали русских путешественников:

«...И Вениция стоит на той же морской губе, кругом ея и по всем улицам вода, ездят в мелких судах, но их называют гундулы <...> а стен городовых в Вениции ни башен нет...» [9. Стб. 1165].

«...В Вениции ж сделан мост каменной великой, а на нем устроены лавки многие, крыты свинцом, и сидят в них со всякими товары. И под тот мост ходят небольшие корабли и большие барки. А иных мелких мостов по улицам добре много, и под те мосты ездят в гундулах...» [Там же. Стб. 1165–1166].

В «статейных списках» начинает складываться образ Италии, для структуры которого становится принципиальным разграничение категорий «свое» – «чужое», «свое» – «другое». В процессе путешествия совершается акт познания иноментальной действительности путем ее присвоения посредством внутренней рефлексии. Топос, относящийся к иной культуре, адаптируется в сознании реципиента для родной культурной традиции. Познание происходит на этом этапе с позиции внешнего, и в этом смысле следует отметить один из наиболее ранних статейных списков, отражающих впечатление об Италии, посольства Василия Лихачева [11. С. 66] в 1659 г. Лихачев с многочисленными спутниками (28 человек) выехал из Архангельска в непривычное для москвичей длительное морское путешествие на английском корабле. Послы обогнули Европу и, нигде не останавливаясь, прибыли в Ливорно. По дороге умер один из путешественников – переводчик с итальянского Тимофей Топорковский (волною снесло «во мгновение ока» «работного человека», бурей проломило у корабля «скулу»), несколько раз им угрожали турецкие корсары. Уже в виду Ливорно корабль трепала буря, а морская вода «рядом лилась» на корабельные палубы. «Корабельные деревья (мачты) все переломало и к воде склонило: по кораблю ходить стало нельзя, веревками перевязывались; а с корму в казенку (каюту) вода врывалась».

Впечатления от Ливорно скупо отражены в статейном списке. Сказано лишь, что город «безчисленно строен и люди тщательны». Более подробно описана его гавань, в которой послам пришлось задержаться на корабле довольно долго. Многочисленными подробностями снабжено описание пребывания послов во Флоренции. Центральное место здесь занимает парадный

обед у флорентийского «князя». На обеде, на котором «яства были все деланы с вымыслом мастерским», «пили государское многолетнее здравие, и про царицино, и про царевичев, и про царевен», а «прежде питья титлы говорили полные», следовательно, не было нанесено урону чести Русского государства [12. С. 318–333].

Особое место в статейном списке занимают реалии, которые могли заинтересовать двор Алексея Михайловича: театральные представления, сады, зверинец и другие культурологические артефакты. Путешествие при этом имеет пространственную структуру, подробно фиксируя знаки внешнего мира, а повествование в данном случае обладает описательным, перечислительным характером:

«...А в садах красота и благоухание ароматное, древа все кедровые и кипарисные. В феврале месяце плоды зреют: яблоки предивные и лимоны двои: одни величеством по шапке, и виноград двойной: белый да вишневый, и анис...» [13. С. 46].

Такой тип повествования свидетельствует о номинативном восприятии мира, при котором явления природно-витального характера лишь называются, в данном случае слово тождественно объекту, а словесное взаимоотношение между субъектом и объектом отсутствует. Показательно, что пейзаж эксплицируется в сознании реципиента XVII в. в своем искусственном варианте, воплощенном в мотиве сада, относящегося не столько к миру дикой природы (хтоническому миру), сколько к сфере «одомашненной» природы, о чем свидетельствует мотив «построения» сада подобно памятнику архитектуры. Таким образом, природно-тварная сфера бытия начинает функционировать как эстетический объект и наделяется артефактными свойствами:

Например: «...Потом пошел я в сад, в котором много изрядных дерев плодовых и цветов, и *построен* тот сад предивно...» [Там же. С. 28].

Формирование топологического образа Италии в «статейных списках» имеет чисто внешний, экфразически-описательный характер, что во многом мотивируется недостатком фоновых знаний путешественников-авторов травелогов об исследуемом топосе. Таким образом, путешественник XVII в. описывает то, что увидел собственными глазами, по типу повествования являясь номинатором. Как отмечает Д.С. Лихачев, «...дневники путешествий на Запад во многом предваряют литературу нового времени. В старые формы литературного языка и в традиционные нормы литературных жанров не укладывались новые жизненные впечатления, обильно нахлынувшие на авторов во время их странствий. Впечатления эти не были подготовлены у себя дома ни усидчивыми школьными занятиями географией, ни чтением литературы путешествий... <...> В записках этих уже мало специфически “древнерусского”. В них, может быть, ярче, чем где бы то ни было, отразился переход от старого к новому» [8. С. 426–427].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хождение* игумена Даниила / подг. текста, перевод и ком. Г.М. Прохорова // ПЛДР: XII век. М., 1978. С. 24–115, 627–645.
2. *Прокофьев Н.И.* Хождение Игнатия Смольнянина // Литература Древней Руси : сб. науч. ст. М., 1978. Вып. 2. С. 123–149.
3. *«Хождение»* Стефана Новгородца / подг. текста, перевод и ком. Л.А. Дмитриева // ПЛДР: XIV – середина XV в. М., 1981. С. 28–41, 529–531.
4. *Книга хожений.* Записки русских путешественников XI–XV вв. / сост., подг. текста, перевод, вступ. ст. и ком. Н.И. Прокофьева. М., 1984.

5. *Адрианова-Перетц В.П.* Путешествия // История русской литературы. М. ; Л., 1941. Т. 1.
6. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Взаимоотношения людей и развитие культур // Воспитание души. СПб., 2005.
7. *Трубецкой Н.С.* Лекции по древнерусской литературе // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
8. *Лихачев Д.С.* Путешествия на Запад [в русской литературе второй половины XVII в.] // История русской литературы : в 10 т. Т. II, ч. 2 : Литература 1590–1690-х гг. М., 1941–1956.
9. *Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными.* Т. 10. СПб., 1871.
10. *Казакова Н.А.* Статейные списки русских послов в Италию как памятники литературы путешествий (середина XVII в.) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLI. Л., 1988.
11. *Чертков А.Д.* Описание посольства, отправленного в 1659 г. от царя Алексея Михайловича к Фердинанду II, вел. герцогу тосканскому. М., 1840.
12. *Лихачев Д.С.* Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М. ; Л., 1954.
13. *Толстой П.А.* Путешествие стольника П.А. Толстого // РА. 1888. Вып. 7.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 декабря 2013 г.

DOI: 10.17223/15617793/379/4

Nikolaenko Olga N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pecegne@gmail.com

ON FORMATION OF THE TRAVELOGUE AS A LITERARY GENRE IN THE 16TH–17TH CENTURIES. D. LIKHACHEV'S SUBJECTIVE VIEW OF DIPLOMATIC REPORTS.

Key words: travel; travelogue; diplomatic reports; travel notes; D. Likhachev; I. Chemodanov; otherness, reception of topos; Italy.

This article examines the emergence of the travelogue in the Russian literature as an example of evolution of diplomatic reports compiled by D. Likhachev and I. Chemodanov. The tradition of natural descriptions created during travels has existed throughout the Russian history. Medieval Russia mainly knew the stories of pilgrims, the so-called "walking", devoted to the description of the Christian journey to the holy places of the Orthodox Church, usually in Jerusalem, Palestine or Constantinople. Monastic vows of withdrawing from the world and asceticism were likely to prohibit mentioning temporal affairs, as well as personal experiences. The phenomenon of travel has a long history, which to a certain extent embraces our days; eventually the specifics of this process, which suggests moving from one cultural and natural area to another, remained essentially unchanged. Every travel was surrounded by a haze of mystery, and the place where the traveller found himself was perceived in two ways: on the one hand, it seemed dangerous and unknown for a stranger but, on the other hand, the traveller was tempted by the irresistible lure of discovering the new unexplored world attractive by its otherness and inaccessibility. It is considered that the Russian tradition of foreign travel dates back to Peter the Great, and the Great Embassy was regarded as the place where the first demonstrative collision of a large number of Russian people with Europe occurred. This article attempts to trace the act of cognition of the foreign reality by assigning it to the recipient through internal reflection. The image of Italy begins to take shape in the diplomatic reports, and its structure suggests a fundamental distinction between the categories "domestic / foreign" and "us / them". In the course of travel, the act of cognition of the foreign reality is performed by means of internal reflection. The topos related to a different culture is adapted to the recipient in the light of native cultural traditions, cognition being an external phenomenon at this stage. Such a type of the narrative shows nominative perception of the world, in which natural phenomena are only referred to, in this case the word is identical to the object, and verbal relations between the subject and the object is absent. The formation of the topological image of Italy in diplomatic reports seems to be purely external, rather ekphrastic and descriptive, which is largely motivated by the lack of the traveller's background knowledge concerning the investigated topos. Thus, the 17th-century traveller describes what he saw with his own eyes, being a nominator, as it is seen from the type of narration. Thus, diplomatic reports are likely to reflect the transition to a new type of travel.

REFERENCES

1. *Khozhdenie igumena Daniila / podg. teksta, perevod i kom. G.M. Prokhorova // PLDR: XII vek. M., 1978. S. 24–115, 627–645.*
2. *Prokofev N.I.* Khozhdenie Ignatiya Smol'nyanina // Literatura Drevney Rusi : sb. nauch. st. M., 1978. Vyp. 2. S. 123–149.
3. *«Khozhdenie» Stefana Novgorodtsa / podg. teksta, perevod i kom. L.A. Dmitrieva // PLDR: XIV – seredina XV v. M., 1981. S. 28–41, 529–531.*
4. *Kniga khozheniy. Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vv. / sost., podg. teksta, perevod, vstup. st. i kom. N.I. Prokofeva. M., 1984.*
5. *Adrianova-Peretts V.P.* Puteshestviya // Istoriya russkoy literatury. M. ; L., 1941. Т. 1.
6. *Lotman Yu.M.* Besedy o russkoy kul'ture. Vzaimootnosheniya lyudey i razvitie kul'tur // Vospitanie dushi. SPb., 2005.
7. *Trubetskoy N.S.* Lektsii po drevnerusskoy literature // Trubetskoy N.S. Istoriya. Kul'tura. Yazyk. M., 1995.
8. *Likhachev D.S.* Puteshestviya na Zapad [v russkoy literature vtoroy poloviny XVII v.] // Istoriya russkoy literatury : v 10 t. Т. II, ch. 2 : Literatura 1590–1690-kh gg. M., 1941–1956.
9. *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy drevney Rossii s derzhavami inostrannymi.* Т. 10. SPb., 1871.
10. *Kazakova N.A.* Stateynye spiski russkikh poslov v Italiyu kak pamyatniki literatury puteshestviy (seredina XVII v.) // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. Т. XLI. L., 1988.
11. *Chertkov A.D.* Opisanie posol'stva, otpravlennoy v 1659 g. ot tsarya Alekseye Mikhaylovicha k Ferdinandu II, vel. gertsogu toskanskomu. M., 1840.
12. *Likhachev D.S.* Povesti russkikh poslov kak pamyatniki literatury // Puteshestviya russkikh poslov XVI–XVII vv. Stateynye spiski. M. ; L., 1954.
13. *Tolstoy P.A.* Puteshestvie stol'nika P.A. Tolstogo // RA. 1888. Vyp. 7.